

ЗАПОВЕДИ ГЛАГОЛЮЩЕ
НОВАЯ ДА ВОЗЯЮЩЕ
Ю ЕДИНА ХЪ ВЪ ДА
ЮЩЕ И СЕ И ВЪ ЛЮД
ДРУХЪ ДРУ ИТЪ СВЕЕ

ГОСПОДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ

Некоторые дополнения священника

Исповедник

Начну, пожалуй, с общего моего впечатления от «Интервью». В нём о. Филарет выглядит этаким знатоком, с высоты «кафедры» своих познаний «обличающий» «имябожие», как он это именуется, и «имябожников», уровень которых, по его мнению, не доходит даже до уровня «приходских школ», и представления которых «...настолько примитивны, что говорить с ними на языке канонических правил бессмысленно». Будем надеяться, что о. архимандрит просто оговорился, с ним это часто бывает, ибо вопрос об Имени Божиим и Его почитании — вопрос догматический, и разговаривать следует на богословском языке, если, разумеется, ты им хоть как-то владеешь. Вероятно, оговорился он и в пояснении к понятию «пантеизм», назвав его «многобожием», тогда как к этому направлению человеческой мысли ближе всего подходит «всебожие». «Многобожие» — это «политеизм», или, проще говоря, язычество. Ну да ладно, это всё мелочи. Вернусь к «восхитительной» уверенности о. Филарета. Ему всё ясно. Знаменитым православным мыслителям было далеко не всё ясно, а о. архимандриту — всё. Порадоваться бы за него, но не могу, ибо это, в действительности, очень грустно. Вот, что писал весьма авторитетный православный богослов В. Н. Лосский:

«Вы ждете от меня ответа по поводу имяславия. Постараюсь очень кратко, схематически ответить на наш вопрос, вернее, — наметить только, что я хотел бы сказать (иначе пришлось бы писать томы: столь существенна эта тема). Вопрос (догматический) об Имени Божиим, о словесно-мысленном выражении (“символе”) Божества, столь же важен, как и вопрос об иконах. Как тогда Православная формулировка Истины об иконах стала “торжеством Православия”, так и теперь православное учение об именах вместе со всеми, связанными с ним вопросами (забытое многими учение святого Григория Паламы, — благодать, молитва, подлинная “антропология”, учение об уме и сердце, о “внутреннем человеке” и прочее) — должно привести к новому Торжеству Православия, к явлению новых благодатных сил и святости. Вопрос об “имяславстве” стоит где-то в глубине церковного сознания. Ответа он еще не получил (вернее формулировки: ответ у Церкви всегда есть, надо его услышать и выразить). Но “имяславские споры” наметили два тока в Русском Богословии, сознательно или бессознательно определившихся по отношению к “имяславству”. Один ток — враждебный имяславцам, отрицающий самый вопрос о почитании Имени: это только “иконоборцы”, рационалисты, видящие в религии только волевые отношения и слепые к природе (Божественной благодати); таков Митрополит Антоний [Храповицкий], как самый яркий пример. Другие течения, — не всегда прямо и открыто примыкающие к имяславью, — представляют, тем не менее, крайнее, “имябожное” его выражение, где самая звуковая материя, так сказать “плоть” имени уже становится Божественной по природе, некоей естественной силой (все равно, как если бы противники иконоборства стали утверждать Божественную “нетварность” доски и краски икон). Этот последний ток — в широком смысле — развертывается как софианство, где смешивается Бог и тварь. И то, и другое ложно. Путь к Православному разумению имяславства лежит через осторожную, еще слишком бледную формулу архиепископа Феофана (Полтавского): “В Имени Божиим почитает Божество” (Божественная энергия). Когда будет ясная формула, исполненная духовного опыта и “очевидная” духовно — многие вопросы сами собой отпадут, и многие сложности представятся детски простыми.

Письмо В. Лосского митрополиту Сергию (Страгородскому) от 6/19.01.1937. Цит. по: Иларион, схимонах. На горах Кавказа. Изд. 4-е. С. 929—930».

А теперь по существу того, о чём хотел напомнить о. Филарету, 27 лет прослужившему у

престола Божия и, безусловно, хорошо знающему то, на что я хочу обратить внимание его и его сторонников. Речь пойдёт о нашем православном богослужении. Сразу оговорюсь, что буду цитировать то, что, на мой взгляд, наиболее ясно говорит об исконном, всегда в Церкви содержащемся исповедании Имени Божия. Итак, молитвы светильничные:

«...Возвесели сердца наша, во еже бояться имене Твоего святого»;

«Немолчными песнями и непрестанными славословленьми от святых Сил воспеваемый, исполни уста наша хваления Твоего, еже подати величество имени Твоему святому».

В великом славословии, подобно и в малом, Имя Божие прославляется следующими словами:

«Благословен еси, Господи Боже отец наших, и хваљно и прославлено имя Твое во веки, аминь».

На вечерне тоекратное пение *«буди Имя Господне благословенно от ныне и до века».*

«Да спасени душею же и телом всегда пребывающе, со дерзновением славим чудное и благословенное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь», - это уже из четвёртой священнической молитвы на шестопсалмии.

А вот возгласы: *«Яко благословися и прославися всечестное и великолепое имя твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков»;*

«Яко благословися всесвятое имя Твое, и прославися Царство Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков»;

«Да и тии с нами славят пречестное и великолепое имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков»;

«И даждь нам единеми усты и едином сердцем славити и воспевати пречестное и великолепое имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков».

Очевидно, что Церковь воздаёт Имени Божию поклонение боголепное, а не почитательное, каковое относится к святым иконам, святым мощам и иным святыням, в том числе «словесно-мысленном выражении (“символе”) Божества». Следовательно, Имя Божие несравненно выше «словесной иконы», а тем более «простого наименования предмета». Оно божественного достоинства! А посему низводить его на тварный уровень — значит хулить его. Да-да, именно хулить. Потому что одним из основных значений этого слова является уничтожение, то есть лишение должной чести и достоинства. Понятно, что в здоровой православной среде это должно было вызвать, и вызвало, решительное неприятие, несогласие и ответную реакцию, что и вылилось в движение имяславия. Ничего нового имяславцы («имябожники» в терминологии «имяборцев») не изобретали, а стали на защиту исконного, видимо крепко позабытого их оппонентами, церковного учения. Подробно об этом изложено в статье моего брата, к которой и адресую как своего бывшего собрата и сослужителя, так и всех его единомышленников.

Протоиерей В. Лебедев.